

УДК 811.161; 81'374.3/373

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/2

О «РУСИНСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» И. КЕРЧИ И ДОПОЛНЕНИЯХ К НЕМУ*

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет
Россия, 634055, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье анализируется «Русинско-русский словарь» И. Керчи (Ужгород: ПолиПринт, 2007), который реализует идею сводного лексикографического труда, что выражается привлечением в качестве его источников материалов, разнородных в хронологическом, стилистическом и ареальном отношениях. Его словник и иллюстрации позволяют составить адекватное представление о лексико-фразеологическом составе языка русинов с реликтовыми древнерусскими чертами на фоне значительного количества усвоенных заимствований разного времени, что обеспечивает ему широкий диапазон номинативного варьирования. Автором статьи выявлены наиболее перспективные для сравнительно-сопоставительных лингвистических исследований лексико-семантические группы слов, в числе которых разноаспектные наименования человека, названия фольклорных мифологических персонажей, растений и животных и др. В статье указываются источники, материалы которых могут дополнить указанный словарь новыми лексическими единицами, а также новыми значениями или формами слов, уже вошедших в словарь. В их числе лексикографические работы, учебная и научная литература русинской тематики.

Ключевые слова: русинистика, русинско-русский словарь, русинская лексика, лексикографические источники.

KERCHA'S *RUSINIAN-RUSSIAN* DICTIONARY AND SUPPLEMENTS TO IT**

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The *Rusinian-Russian Dictionary* by I. Kercha (Uzhgorod: PolyPrint, 2007) analyzed in this article implements the idea of a consolidated lexicographical work using the materials diverse in chronological, stylistic and areal terms as its sources. Its body and illustrations allow to create an adequate representation

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

about the lexical and phraseological vocabulary of the Rusinian language which includes the Old Russian relict features and a significant number of loans from various periods, which provides a wide range of nominative variations. The author of the article describes the most promising lexical-semantic groups of words for comparative linguistic studies including different aspects of human nominations, names of folklore mythological characters, plants, animals, etc. The sources of the materials that can supplement the Dictionary with new lexical units and new meanings and forms to the already fixed words are indicated in the article. Such sources include lexicographical works, educational and scientific literature on the Rusinian subject.

Keywords: Rusin studies, Rusinian-Russian dictionary, Rusinian lexicon, lexicographical sources.

Постановка проблеми. Русинство, новая волна научного и общественного интереса к которому в последние годы связана с геополитическими событиями конца XX в., служит примером «лингвистической общности, сложившейся в результате перекрестных разнохронологических взаимодействий родственных и неродственных языков и диалектов» (Гиндин, Калужская 1991: 187). Авторы словацкого учебника русинского языка пишут: «Їх домовино в є Карпатьска Русь, яка ся роспростерать на меджах Україны (бывша Підкарпатьска Русь), Словеньска (Пряшівска область) і Польска (Лемковина). Окрем тых країн жые менша часть Русинів у Мадярську, в Румунії, в Сербії, в Хорватії, а многы як переселенці в Америці і в Канаді. В нашій републіці (ани в інших державах) не мають Русины адміністративно выділену територію» (Ябур, Плишкова 2009: 4). Последнее замечание выводит вопрос о статусе языка русинов далеко за рамки собственно лингвистической проблемы. На это указывает также А. Д. Дуличенко, отмечая экстралингвистические в своей основе условия для возникновения малых литературных языков, в числе которых не только «компактность среды», «сложность диалектного ландшафта», сильные литературно-языковые предтрадиции, но и наличие лидеров-просветителей, своей творческой и общественной деятельностью способствующих «осознанию языковой и этнической специфичности» народа (Дуличенко 2005: 597).

Лидером русинского движения за самоопределение в Украине является Ужгород – административный центр Закарпатской области, территориально соответствующей границам бывшей Подкарпатской Руси. Здесь издается литература о русинах и на русинском языке¹, из числа наиболее заметных трудов – русинско-русский и русско-русинский словари (Керча 2007, 2012).

Характеристика «Русинско-русского словаря» И. Керчи. Двухтомный труд И. Керчи является на сегодня самым полным русинским словарем (более 58 тыс. слов), он адресован специалистам-языковедам и представителям русинства, небезразличным к судьбам культуры, сберегаемой предками в продолжение многих веков (Керча 2007: 4). Взятое эпиграфом к словарю обращение Х. Стрипского свидетельствует о том, что

основу этого многозатратного по подготовительной работе труда составила лексика народного языка. Материалы словаря позволяют судить о ряде самобытных черт русинского языка, важнейшими из которых нам представляются следующие:

1. Сохранение черт древнерусского языка на уровне лексики² (*веве́рка*, *веве́риця* = белка; *кото́ра'* = раздор; *пе́река* = спор; *пе́рсо* = женская грудь; *по́ломень* = пламя; *поо́ра'ти* = вспахать; *ра́ло* = плуг, культиватор; *порало́ва'ти* = взорваться; *ра́мо*, *ра́мня* = плечо; *ре́кше* = то есть, то бишь; *сестри́нич*, *сестри́ниця* = племянники по сестре; *стры́й*, *стры́йко*, *у́йко* = дядя; *стры́йна*, *у́йна*, *у́йчина* = тетя, жена дяди) и грамматики (модель числительных типа *пувдесята* = 9,5; *пувдруга сто* = 150; инфинитив на *-ти*, *-чи*; самостоятельность *ся* в глагольных формах) и др.

2. Высокий адаптационно-деривационный потенциал языка по отношению к заимствованной лексике: *жіле́тка* = лезвие безопасной бритвы; *зафарби́ти* = покрасить; *фарба́рня* = красильня; *поолаи́ти* = помазать, заправить маслом; *порфина́рь* = парфюмер; *попорфинова́ти* = брызнуть духами; *пофайні́ти* = похорошеть; *префа́йный* = хорошенький; *серві́рка* = подавальщица, официантка; *те́я* = чай; *тея́чка* = чайник; *што́кы* = многоэтажный дом; *фе́рії* = каникулы; *фе́ріяш* = школьник на каникулах; *шпаці́р*, *шпаці́рка* = прогулка. Он проявляется как в мощности словообразовательных гнезд (*ма́лфа* = обезьяна: *ма́лфочка*, *малфу́н*, *малфе́ня*; *ма́лфин*, *малфо́ваня*, *малфова́ти*), так и в активном включении иноязычной лексики в словопроизводство по славянским моделям (*коншкола́рь* = соученик; *при́трафом* = случайно; *пубертя́к* = юнец, подросток; *сереньчу́х* = везунчик; *фрыштикова́ти* = завтракать; *цукра́рь* = кондитер; *шу́стрик* = подмастерье столяра).

3. Развитое номинативное варьирование (см. ниже).

Своеобразие русинского словника подчеркивается прежде всего этнографической лексикой: *вербу́нкош* = жанр народной песни / танца; *вертепа́ш* (этно. *суп бетлеге́меш*), *півчани́к* (редк. *суп колядни́к*) = исполнитель колядок; *галамбе́ць* = галушки из кукурузной муки; *кепта́рь* = нарядная безрукавка / камзол домотканой шерсти; *ку́лач* = деревянная баклажка для воды; *табу́лка* (обл.) > *тобо́вка* = суконная / кожаная сумка с наплечным ремнем; (этно., у гуцулов) плоская расшивная наплечная сумочка из кожи; *чоболю́в*, *чо́бан* = жбан, кадушка на 10 литров. Например, чрезвычайно интересна лексика, отражающая систему народных верований, в частности представления о потусторонних силах и сверхъестественном в целом. Так, обширная группа названий фольклорных персонажей (привидений, оборотней, домовых, леших, водяных, ведьм и прочей нечисти) включает слова *анціа́ш*, *босора́ш*, *видьма́к*, *ві́ла*,

вовку'н, водяни'к, гінжіба'ба, градобу'р, газдувни'к, гони'хмарник, дводу'шник, дї'дко, домови'к, закамінник, копыта'туй, кровопі'ї, нучни'к, перелє'тниця, перемі'тник, потво'ра, при'вид, при'зра, про'клять, пропасти'к, стра'шок, (в)ун, фе'на, фрас, (и)ще'зник, чуга'їст(е)р и др. Из этого же разряда – наименования ворожей, знахарей, колдунов, прорицателей (баи'ля, віщувни'к, віщу'н, віщу'нка, ворожи'ль, воро'жка, промі'тник, чаровни'к, чароді'ї, череди'ник) и тематически примыкающая к ней лексика типа ба'яня = колдовство, ворожба, знахарство; ба'ити = ворожить, колдовать; воровша'к = колдовское снадобье; (и)зо'ч, чиньба' = сглаз, (и)зочи'ти = сглазить; розворо'жити = отколдовать и др.

Народная основа словаря оттеняется русинским колоритом фразеологии (апріле'вий когу'т = мартовский кот; зыйти'на біду' = обеднеть; ма'лфина любо'в = телячьи нежности; новина'рська блоха' = газетная утка), фольклорными малыми жанрами (ко'ло ве'льо ба'бох діти'на умре' = у семи нянек дитя без глаза; из боло'та у кал = из огня да в полымя; лі'пшый ны'ні воробо'к, ги за'втра голубо'к = лучше синица в руках, чем журавль в небе; во'вка з лі'са вукли'ковати = накликать беду), в том числе порожденными новым временем: добрі' в бло'ку бива'ти, а на вала'лі шпайз ма'ти = хорошо жить в панельном доме, если иметь кладовку в деревне.

Словарь реализует идею сводного лексикографического труда по описанию лексического состава языка русинов Подкарпатья, что выражается привлечением в качестве его источников материалов, разнородных в хронологическом, стилистическом и ареальном отношении. Так, самыми ранними из них являются Няговские поучения XVI в., памятники деловой письменности XVII-XVIII вв. (Керча 2007: 20), позднейшими – современные тексты на русинском (Керча: 21-38). Помет, отражающих динамический аспект (включая частотную характеристику) лексики, три: *ист* (галеба'рда = алебарда; *інсуре'кція* = ополчение; *шмет* = четыре метра ткань; *шо'лтыс* = староста села), *уст* (кегы'ня = сударыня, госпожа; *ошко'лош* = школьник; *ю'га* = овца; *ялч* = плотник), *редк* (діт'ва'к = ребенок, чадо; *яд* = яд). Приведенные в иллюстративной части статьи контексты поддерживают диахроническую составляющую словаря: *Коро'лик – ма'йменша пта'ха у ломах... теперь коро'лик, а да'вно казали: воло'ве очко*.

Широка и жанрово-стилевая палитра источников: деловые документы, художественные сочинения, публицистика, фольклорные сборники, а также словари, записи различных говоров региона: карпатских (в том числе лемковских, торуньских), гуцульских и др. (Керча: 19-20). Пометы *обл* (хо'взы = коньки; *ширню'вка* = зонт; *шмі'тня* = кузница;

шты'ри = четыре), отчасти *нар*, маркирующие народную, просторечную лексику (*нево'я* = неволя; беда; черт; *пруйди'світ* = проходимец; *шляг'* = кондрашка, апоплексический удар; *я'нгол* = ангел), при их отсутствии в ряде «первичных» словарей, характеризуют по этому параметру лишь часть слов. В данных условиях существенно повышает лингвистическую содержательность труда И. Керчи ссылка на источники.

Наименее представительна в «Русинско-русском словаре» стилистическая дифференциация лексики, поскольку подобная маркировка слабо разработана в части привлеченных словарей-источников, что в целом характерно для многих областных лексикографических трудов XIX-XX вв. Некоторые иллюстрации к сказанному: *волос'ічко* (пей и ласк) = волосенки; *глу'пати* (пей) = думать, задумываться; *кы'лош* (вульг) = слабак, хляк; *курва'ш* (вульг бран) = распутник; *курве'га* (вульг бран экспр) = распутница; *ны'нька* (ласк) = ныне; *у'йцья* (дет) = дядя; *шма'та* = (фиг бран) мерзавец, мерзавка; *шу'хер-му'хер* (фам) = шум, шорох (жарг); *ши'рый* (поэт) = широкий, *щяпом* (разг) = скопом; *копыта'ш* (эвф) = черт. При этом беспометно дается большинство оценочных лексем: *валю'х* = лежебока; *во'ячу'н* = буян, бузотер; *втыкли'вый* = пронырливый; *га'ман* = ротозей; *дога'няч* = придира, критикан; *квасня'к* = винишко, дрянное винцо; *ню'пати* = вынюхивать, хитрить; *шляхту'н* = неприкаянный человек, беспризорник, бомж; *шляхту'нка* = уличная женщина, потаскуха, бомжиха; *штунпа'к* = недотепа, болван.

Разнородность материала обеспечила высокую представленность в словаре синонимии: *вертенкы', качкы'* = устройство для перемотки ниток, прялка; *порекло', пружвище* = фамилия; *посолоди'ти, поцукри'ти* = посахарить; *розруха, спущ* = разруха, разрушение; *ручи'ца, роко'нцо, ливч* = подпора; *рядня'ш, онуча'рь* = старьевщик, тряпичник; *самоу'чок, буква'рник* = недоучка; *сцене'рія, краєви'д* = пейзаж, ландшафт; *чобота'рь, чижма'рь, шу'стер* = сапожник, башмачник; *шахра'йство, шві'нглі* = мошенничество, жульничество; *шувар', риза'к* = осока. Значительная ее часть представлена так называемыми словообразовательными вариантами: *корчма'рь, корчма'ш* = содержатель корчмы, корчмарь; *пол'єваня, пол'євка, пол'євачка* = охота; препровождение времени на природе; *пола', полови'на, полови'ця, поло'вка* = половина; *по'пити, попова'ти* = работать попом; *по'сув, по'сувок, посу'ваня* = движение, перемещение, подвижка; *поточа', поточо'к, поточи'на, по'тук* = ручей, ручеек, поток; *пя'тниця, пя'ток* = пятница; *сіда'к, сі'дало* = сиденье; *студни'к, студни'чка, студе'нка* = родник; *ти'хость, тихо'та, тишина'* и др.

Все сказанное позволяет квалифицировать труд И. Керчи как русинскую сокровищницу, отражающую многообразие территориальных вариантов языка. Безусловно, в этом словаре можно выделить наиболее

перспективные для исследований номинативные группы, в числе которых – лексика, называющая человека:

1) по родству (*копыл*, *копыля*, *фатюв* = внебрачный ребенок; *няньо* = отец, батя; *попелюх*, *попелюха* = пасынок, падчерица; *золушка*; *своина*; *своинка* = свои, семья; *стрыичаник*, *тютчаник*, *уйчаник* / *стрыичанка*, *тютчанка*, *уйчанка* = двоюродный брат / сестра; *фаміліаш* = глава семьи; *шовгор* = муж сестры (свояк), брат жены (шурин); *шовгориња* = невестка, золовка, свояченица);

2) по роду занятий (*колбасарь* = колбасник; *поправник* = ремонтник; *пчолярь* = пчеловод; *сокач* = повар; *цимерман* = плотник);

3) по отношению к труду (*роботязь* = трудяга; *лайдак*, *полегкарь*, *посидюха*, *шлёмпа* = лодырь, гуляка, беспутник);

4) по речевому поведению (*гакавец* = заика; *плескарь*, *плетюга* = сплетник; *пудбрехач* = вун; *роташ* = горлодер, крикун; *трепередя* = пустомеля; *щобак* = говорящий *що* вместо *што*; *языкяня* = болтуня);

5) по особенностям физического строения (*ребраш*, *худорляк* = худой человек; *слутак* = калека; *черевач* = брюхан; *шотняк* = заморыш);

6) по другим признакам: *вдавач* = доносчик; *прибыш*, *приблуда* = пришлый человек; *тутешняк* = местный житель; *пудбивач* = спекулянт; *пыняк* = недотепа; *пянюх* = пьянчуга; *реъмбало* = плакса; *розумак* = хитрец, сметливый; *селяк*, *спростак* = деревенщина, мужик; *скупеңда* = скупердяй; *славоман* = тщеславный человек; *смакун* = лакомка; *юльщик* = шулер.

Данный материал позволяет говорить о степени маркированности в языке различных черт и свойств людей, определять ономаσιологический базис в каждой из подгрупп, средства и способы номинации в них. Эти же параметры могут быть положены в основу классификации лексики фауны (*бумбак*, *Иванов червячок*, *крутиголовок*, *кукул*, *лепа*, *полючка*, *рыбачок сліпарь*, *снігарь*, *шмыгач*, *шушерак*, *ямник*) и флоры (*божа ружа*, *волося сиротки*, *грызачка* и *герега*, *німецька ріпа*, *печеїка* и *печучка*, *посоњячник* и *просоңцвіт*, *смердячка*, *страшовник*, *чїсток* и *зелезім*, *чорнобыль*, *шнітлик*), названий астрообъектов (*Великый* и *Мальїй Вуз*, *звїздоїд*, *Куричкы*, *Молочный путь*, *Сїверничка*, *Шкорпія*), разговорных наименований болезней и болезненных состояний (*англіїська слабость* / *хворота*, *бессон*, *бестяма*, *глушканя* (*глушка*), *дурнячка*, *посыпка*, *свеїбеня*, *франца*, *цукровка*, *ядухы*) и др. Специфика народного мирозидения, запечатленного в нагруженной культурными смыслами русинской лексике, может быть выявлена в сравнительно-сопоставительных работах на основе сложившихся в славистике традиций (Плотникова 2000: 140-181; 185-204).

О дополнениях к «Русинско-русскому словарю» И. Керчи. Любой словарь, независимо от уровня исполнения, со временем нуждается в «росте»: расширении его вокабуляра, совершенствовании структуры, уточнении толкований⁵. Так, при общей высокой оценке «Русско-русинского словаря» И. Керчи, построенного на том же материале, что и «Русинско-русский словарь», И. Мадрига замечает: «Возможно, словарь не вполне охватывает имеющиеся у русинов варианты произношения тех или иных слов. Так, мне показалось, что к русскому глаголу *окликать*, кроме зафиксированного составителем словаря русинского *говкаты*, следовало бы указать и *гойкаты*, поскольку именно эта форма встречается в обиходной речи чаще, а *говкаты* – это, скорее, «окликать, чтобы остановить» (если вспомнить оклики, которые используют, чтобы править лошадьми). Или, например, *окно* – *оболок*, *вызур*, *возур* – при том, что есть еще и произношение, близкое к *вызи/юр* или *о/узи/юр*. Конечно, это фонетические нюансы, и их, полагаю, обязательно учтут последователи уважаемого Игоря Керчи, поскольку отображение этих отличий может указать на этимологические корни слов» (Мадрига 2014). Подобные замечания под силу знатокам, носителям русинского языка, конструктивная же помощь русистов-лексикографов может выражаться практическими материалами, дополняющими источниковую базу словаря, и рекомендациями по усовершенствованию структуры словарной статьи.

Если бы речь шла о языке с «вялыми» диалектными различиями, в первую очередь следовало бы указать на необходимость стилистической разработки лексики в словаре: беспометное употребление разнородных единиц в синонимическом ряду квалифицирует их как дублиеты (*за мочник*, *шло'сер* = слесарь; *по'руча*, *поруча'й* = перила; *реце'нка*, *реце'нт*; *тра'па*, *тра'пеня*, *трапо'та*, *трапа'ция*, *трапе'за*, *штра'па*, *штрапа'ция* = заботы, хлопоты, муки; *Че'хія*, *Че'хы*), что нехарактерно для развитых языковых систем, но отличает начальный этап сложения литературных языков. Безусловно, многие из слов имеют локально ограниченный характер: *У Бо'гдані ба'нуш* – *куле'ша на смета'ні*, а у *Ясіню'* – *скомы'рда* (Керча 2007: 64). Поэтому маркирование пометами может отражать взгляд на них с позиций лишь отдельных региональных вариантов языка: *сы'панець* (обл), *сы'пка* = амбар для зерна; *тане'чник*, *та'нцош* (разг) = танцовщик, плясун; *хоть*, *хотяй*, *хоць* (обл), *хоч* (редк) = хоть; *швець*, *шива'чка* (обл), *шна'йдер* (обл) = портной; *шуня'к*, *їжо*, *яре'й* (обл), *яры'ч* (обл) = еж. Просветительская деятельность подвижников, обозначивших так называемым «у»-говорам роль лингвистической «платформы» для кодификации подкарпатского русинского языка (Капраль 2013: 96), со временем может привести к более четкому стилистическому размежеванию лексики.

Сдерживающим фактором в расширении словника «Русинско-русского словаря» силами научного лингвистического сообщества, заинтересованного в русинском материале для сравнительно-сопоставительных исследований, служит тот факт, что в литературе даются различные версии решения принципиального вопроса – определения границ этнической территории русинства вообще и подкарпатского в частности. Соответственно, у пользователей словаря нет полноты представления, лексика каких говоров вошла в него. Так, авторы очерка об украинском языке в академическом труде «Языки мира: Славянские языки» указывают, что региональный литературный русинский язык развивается «на основе разных карпатских говоров Словакии, Польши, Украины и Венгрии» (Жовтобрюх, Молдован 2005: 545), называя при этом в составе таковых бойковские, закарпатские и лемковские, а гуцульские относят в галицко-буковинскую группу (Жовтобрюх, Молдован: 542). Как уже отмечено выше, в состав источников «Русинско-русского словаря» последние включены, а первые – нет. При этом словосочетание *карпатские говоры* в названиях ряда использованных работ допускает предположение, что бойковские материалы все же нашли отражение в словаре И. Керчи.

Двухтомному «Словарю бойковских говоров» М.О. Онышкевича (Онышкевич 1984) предшествовали авторские издания материалов на отдельные буквы. Так, при публикации фрагмента на букву «Б» (Онышкевич 1966: 62-102) автор приводит список лексикографических источников, два из которых (работы И. Верхратского и И. Франко) указаны также для «Русинско-русского словаря» (Керча 2007: 24, 37). Сравнение словарных отрезков показало совпадение части материалов, в то же время в труде И. Керчи отсутствуют *бабизна, бабина, багнина, багрій, баґа, базарка, базило, базівник, байда, байдаґати, бала, бандура* и др., обнаруживается несовпадение в значении (*ба, баба, базар, бараба* и др.), форме (*багор, багр, бал', баран'ачий*), форме и значении (*базарь, бавт*) ряда слов. Взаимодополнение материалов двух словарей можно проиллюстрировать следующими группами единиц: *бараба* 'пройдисвіт', *барабс'кий* – 'із пройдисвітів, пройдисвітський' – *віти'іс'кий* син. (Онышкевич 1966: 69); *бара'ба* = отходник; заработчик; наемный рабочий, живущий в общежитии; босяк; бродяга; бомж (син. **ломпа'к*); *барабеня'* = ребенок бродяги, босяка; *бара'бити* = вести жизнь босяка; скитаться по общежитиям; *барабчу'к* = подросток-бродяга, подросток-босяк; *бара'бський* = босяцкий (Керча 2007: 64). Или: *бебех* 'велике черево'; *напхати бебех* 'нажертися'; у мн. *бебехи* 'тельбухи' (Онышкевич 1966: 71); *бебеха'ч* = пужан, брюхан; *бе'бехы* (экспр) *(*зайда*) = котомка, узел, мешок; *(*гелюхы*)

= субпродукты, внутренности, кишки (Керча 2007: 67), а также *ба'мбух*, *ба'мбрюх* = желудок (коровы), *ба'мбухы* = кишки, потроха (Керча: 63). Если пополнение данного словаря лексическими материалами говоров бойков не противоречит замыслу его автора, оно будет способствовать его совершенствованию.

Привлечение в качестве источника для «Русинско-русского словаря» «Малороссийско-червонорусского словаря» Ф.М. Пискунова требует значительной подготовительной работы: сверки со словарями украинского, русского, русинского языков того периода, исключения слов-фантомов⁴. Во введении автор указывает такие «племена» червонорусского (австрийско-украинского) наречия: бойки, галичане, гривняки, гуцулы, долы, крайняки, куты, лемки, ополы, подгорцы, русины, русняки и чеваки (Пискунов 1882: IV), что подтверждается серьезным варьированием на всех языковых уровнях (*босака – босаком – босоніч – босонож, кітляр – котляр, макітра – макотерть – макотра, огірок – гурок, уполі – після – опісля, уси – вуси, чип – чіп – чоп, скупія – купека – купина, сти'рта – ски'рта, скляр – шкляр, шкура – скира – шкира, футро – хутро, фуга – хуга – хвуга – хляга – хляха, цвітка – квітка*) и дает основания для выборочного включения его материалов в словарь русинского языка.

Здесь приведены большие тексты этнографического характера (см. статьи на *бех, галка, журавель, линия, кови'ла-ковиль, колоду волочити, коляда-колядка, німец-німчин, переполохи, Русалькин Великдень, Ума'нка, циганки, чорнобиль* и др.). Интересен словарь широкой представленностью в нем растительной лексики (*ворсянка, гадюча морква, горлач, забудка, ласточник, люби-мене-не-покинь, миколайці, нечуй-вітер, ранник, серду'шник, собача язички, стократки, хорохоньки, царь-сил, черевички Божої Матери*), наименований потусторонних сил (*бенд – (с цыган. яз.) черт, злой дух; босо'рка – низшая ступень ведьмы; ка'дюк – черт; куца'к, куца'н – бес; пере'вертень – оборотень; топелиця (галиц. сл.) – русалка; упи'р, упиря'ка – урод, колдун, а также, по народному поверью, хвостатый человек, который по ночам возит на себе ведьм*).

К сожалению, словарь Ф. Пискунова лишь изредка указывает на источники (*ворожда – (собирает.) враги. И. Верхратський; гусарка – горничная. Маркович; куга' – водоросль. Т. Шевченко; налаштова'ти – приготовить, приладить, наполнить. Номис*), чаще отмечается: *песн[я], погов[орка], посл[овица]*. Самого общего характера и ареальные пометы: (*австр. укр.*) *бока'тка, вонка, кобер*; (*бессарабск. сл.*) *гриу, киперирожу, нук, циганкуци*; (*буковинск. сл.*) *загоріти*; (*галицк. сл.*) *ву'двод, горівка, же'бри, когут, май-же, перекрой*; (*гуцулск. сл.*) – *гвер, гид, гнеть, легот и леготь, чижма'р*;

(карпатск. сл.) *смерека*; (новосербск. сл.) *юнак*; (чешск. сл.) *громовина*, *правозор*; (с польск.) *хлоп* и др. Столь же непоследовательно здесь отмечается и ударение в словах.

Таким образом, несмотря на критические отзывы современников, этот словарь предоставляет любопытные материалы: *невѣста* в Украине невеста, в Галиции и Буковине – жена, замужняя женщина (с. 150); *ненька*, *неня* – мать, матушка, употребляется только в песнях; в Галиции и Буковине *неня* значит старшая сестра (152); *обо'лонь* – поле, выгонное или луговое место близ города <...> В Галиции называется *болоничейко* (160). Он интересен и своей «правой» частью – дефинициями, см.: *личина* – маска, пугалище, привидение, иначе по-укр. *мана*, *мара*, *машкара* (126); *пилипо'ни* – 1) раскольники; 2) забубоны (185); *сиду'ха* – торговка; посиделка (236); *темни'к* – погреб, лёх; *чертопхайка* – натечанка (287); *чумандра* – чумичка (291); *шило* – швака (294); *ятрѣвка* – свояченица, невестка; жена деверная, т.е. мужнина брата (304). Информация об авторе (его родной язык, владение диалектным материалом, образование), которой мы в настоящее время не располагаем⁵, могла бы повысить степень лингвистической содержательности данного интересного источника, который в последние годы уже активно вовлекается в языковедческие исследования.

Информативными оказываются и текстовые материалы на / о русинском языке, о чем говорит их включение в источники «Русинско-русского словаря». Так, более 70 русинских слов, встречающихся в говоре жителей Рышканского района Молдавии, приведены в одной из статей С.Г. Суляка, часть из них отсутствует в «Русинско-русском словаре»: *боханчик* – маленький пирожок из теста округлой формы с творогом, картофелем или с капустой, сверху обваленный в чесноке; *нанашка* – посаженная мать, крестная мать; *нанашко* – посаженный отец, крестный отец; *макогон* – деревянная палочка с утолщением на конце для растирания мака, сахара, а также *гладуци*, *дижка*, *диньца*, *дрантя*, *зейстри*, *кагла*, *лиска*, *лоточити*, *патюрка*, *ринка*, *ура* и некоторые другие. Часть слов имеет отличия в форме или семантике: *банька* – емкость для молока или воды, изготовленная из обожженной глины; *верета* – домотканый конопляный коврик; *колыба* – временный небольшой деревянный домик для жилья, например пастухов, сторожа в поле; *коновка* – деревянная посуда овальной формы в виде ведра, кружки; *кошек* – корзина; *нана* – тетья (близкая родственница); *нано* – дядя (близкий родственник), а также *прядва*, *саламаха*, *хрыстыны*, *швагер*, *шопа* и др. (Суляк 2006: 146-148).

Все эти источники служат общей цели – показать словарное богатство языка русинов, например: *бавт*, *байш'ча*, *байта* 'несильный цінок-то-

пірець (Онышкевич 1966: 71); *барда* – маленький топор для рубки мяса (Суляк 2006: 146); *барда* – 1) маленький топор с изогнутой ручкой; тж *бардичка* (Пискунов 1882: 12); *ба'лта*, *ба'лтя*, *балту'на* = узкий топор; топорик (Керча 2007: 63); *ба'рда* (уст поэт) = секира; *ба'рдка* (*ба'ртка*) = гуцульский топорик (Керча: 65).

Выводы. «Строительство» литературного подкарпатурсинского языка начато в условиях естественного владения разговорным языком лишь представителями старшего поколения и ведется без государственной поддержки силами подвижников-просветителей. Их деятельность по созданию грамматик, словарей служит цели сохранения основ народного языка и обеспечения его развития в полиэтнических условиях. Указывая на опыт развития иврита в Израиле, С.С. Скорвид усматривает в шагах программы возрождения русинского языка вполне реальные перспективы (Скорвид 2001: 112).

Исполненный в соответствии с поставленными ситуацией задачами труд И. Керчи служит ярким доказательством отражения в словарях идеологических координат времени их создания. Будучи наиболее полным на сегодняшний день словарем русинского языка, он своими достоинствами и недостатками во многом обязан источникам – их полноте и уровню описания материала. С его публикацией и последовавшим за ней изданием русско-русинского словаря формирующаяся русинистика получила «точку опоры» для новых исследований, результативность которых будет повышаться по мере усовершенствования лексикографических трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр., информацию на сайте издательства В. Падяка (Падяк).
2. В статье повторяется способ подачи лексических единиц, принятый в словаре И. Керчи.
3. Как отмечено И.И. Срезневским, «само собой должно разумеется, что хороший, достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза <...> что самый удовлетворительный словарь по времени теряет все более свое достоинство, все более требует поправок и дополнений» (Срезневский 1854: 9).
4. К.В. Шейковский приводит 330 слов, которые, по его мнению, сочинены Ф. Пискуновым (Шейковский 1884: 8-10).
5. Определенно о нем можно сказать немногое: в 1878 г. подготовил к печати и издал сборник материалов к биографии Т.Г. Шевченко, сам писал стихи – они звучат в иллюстративном материале его словаря (Пискунов 1882: 83).

ЛИТЕРАТУРА

Гиндин, Калужская 1991 - *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Славистические аспекты карпатского языкознания // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 187-188.

Дуличенко 2005 - *Дуличенко А.Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 595-615.

Жовтобрюх, Молдован 2005 - *Жовтобрюх М.А., Молдован А.М.* Украинский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 513-547.

Капраль 2013 - *Капраль М.М.* Современные русинские литературные микроязыки // *Studia Slavica (Hungary): Academiae scientiarum hungaricae.* Будапешт, 2013. Т. 58/1. С. 87-100.

Керча 2007 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007.

Керча 2012 - *Керча И.* Русско-русинский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012.

Мадрига 2014 - *Мадрига И.* О «Русско-русинском словаре» Игоря Керчи. URL: <http://www.proza.ru/2014/02/11/795> (дата обращения: 29.04.2015).

Онышкевич 1966 - *Онышкевич М.О.* Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61-105.

Онышкевич 1984 - *Онышкевич М.И.* Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.

Падяк - Сайт издательства Валерия Падяка. URL: <http://www.padyak.com>

Пискунов 1882 - *Пискунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: Тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.

Плотникова 2000 - *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 209 с.

Скорвид 2001 - *Скорвид С.С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 110-115.

Срезневский 1854 - *Срезневский И.И.* Обзорение замечательнейших из современных словарей. СПб., 1854. 61 с.

Суляк 2006 - *Суляк С.* Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии // Русин. 2006. № 4 (6). С. 141-149.

Шейковский 1884 - *Шейковский К.* Рецензия на словарь Ф. Пискунова // Филологические записки. 1884. Вып. 4: Библиография. С. 1-20.

Ябур, Плишкова 2009 - Ябур В., Плішкова А. Сучасний русинський списовний язык: високошкольський учебник. Пряшів: Інститут русинського языка і культури Пряшівської університету, 2009. 212 с.

REFERENCES

Gindin, L.A. & Kaluzhskaya, I.A. (1991) Slavisticheskie aspekty karpatskogo yazykoznanija [The Slavonic Aspects of Carpathian Linguistics]. In: Bulatova, R.V., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (eds) *Slavistika. Indoeuropeistika. Nostratika* [Slavic and Indo-European Studies. Nostratic Linguistics]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 187-188.

Dulichenko, A.D. (2005) Malye slavyanskije literaturnye yazyki (mikroyazyki) [Minor Slavic literary Languages (microlanguages)]. In: Moldovan, A.M., Skorvid, S.S. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: The Slavic Languages]. Moscow: Academia. pp. 595-615.

Zhovtobryukh, M.A. & Moldovan, A.M. (2005) Ukrainskij yazyk [The Ukrainian Language]. In: Moldovan, A.M., Skorvid, S.S. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: The Slavic Languages]. Moscow: Academia. pp. 513-547.

Kapral, M. (2013) Sovremennye rusinskie literaturnye mikroyazyki [Contemporary Rusinian literary microlanguages]. *Studia Slavica*. 58/1. pp. 87-100.

Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkij slovar'* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskij slovar'* [The Russian-Rusinian Dictionary]. Uzhgorod: PoliPrint.

Madriga, I.O. (2014) O "Russko-rusinskom slovare" Igorya Kerchi [About "The Russian-Rusinian Dictionary" by Igor Kercha]. [Online] Available from: <http://www.proza.ru/2014/02/11/795>. (Accessed: 29th April 2015).

Onyshkevich, M.O. (1966) Slovar' boykovskogo dialekta [The Dictionary of Boikov Dialect]. In: Kalnyn', L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic Lexicography and Lexicology]. Moscow: Znanie. pp. 61-105.

Onyshkevich, M.Y. (1984) *Slovník bojkivskikh govirok* [The Vocabulary of Boikov Dialects]. Kiev: Naukova dumka.

Padyak.com. *Website of Valeriy Padyak's Publishibg House*. [Online] Available from: <http://www.padyak.com>.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskij slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [The Little-Russian – Red Ruthenian Dictionary of the Living Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

Plotnikova, A.A. (2000) *Slovari i narodnaya kul'tura. Ocherki slavyanskoy leksikographii* [Dictionaries and Folk Culture. Essays on Slavic Lexicography]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

Skorvid, S.S. (2001) [The Sorbian and Rusinian languages: to the problem of their comparative-historic and synchronous similarity]. *Issledovanie slavyanskikh yazykov v rusle traditsiy sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [The Research of Slavic Languages in the Comparative-Historic and Contrastive Linguistics]. Proc. of the International Conference. Moscow: Moscow University. pp. 110-115.

Sreznevskiy, I.I. (1854) *Obozrenie zamechatelneyshikh iz sovremennykh slovarey* [The review of the best modern dictionaries]. St. Petersburg.

Sulyak, S.G. Etnokulturnaya identichnost' rusinov severa Moldavii [Ethno-cultural identity of Rusins from the north of Moldova]. *Rusin*. 4 (6). pp. 141-149.

Sheykovskiy, K. (1884) Retsenziya na slovar' F. Piskunova [The Review of F. Piskunov's Dictionary]. *Philologicheskie zapiski*. 4. pp. 1-20.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2009) *Suchasnyy rusinskyy spisovnyy yazyk* [Modern Rusinian Literary Language]. Pryashiv: Institute of Rusinian language and culture at Pryashiv University.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

Starikova Galina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru